

Вырезка из газеты

ЗНАМЯ
КОММУНИЗМА

г. Одесса

17 АПР 1983

КОГДА на Одесском заводе имени Благоева формировали группу из политически активных рабочих для поездки в село с целью налаживания смычки города с деревней, секретарь партячейки предложил включить в нее также студента медицинского института Ивана Микитенко, прикомандированного на предприятие для пропагандистской работы:

— Парень грамотный, надежный, оратор неплохой, к тому же писатель. Будет как находка...

Кандидатура возражений не встретила, рабочим уже успели узнать этого ясноглазого, легко сходящегося с людьми крепыша.

И вот группа в дальней глухой деревушке, в которой — это сразу почувствовалось — было довольно сильно кулацкое влияние. Иначе чем объяснить, что крестьяне так медленно и осторожно собирались на сходку? Рабочие приехали утром, но только к вечеру помещице сельсовета заполнилось людью. И это в деревне, где любая новость, тем более приезд агитаторов из города,

стыньства и вскрывалась частнособственническая сущность кулачества. Не удивительно поэтому, что именно хлебозаготовки — наиболее острые и драматичные события того времени — легли в основу задуманного произведения. И вопрос, услышанный однажды на крестьянской сходке, писатель вложил в уста незаможника Малоштаня, который по наущению кулака Чирвы спрсит на сельском сходе, что же такое диктатура.

Но ваявшись за повесть, Иван Кондратьевич вдруг убедился, что крестьянские персонажи он видит четко, они колоритны и полнокровны, а вот живой характер, убедительные черты героя-рабочего ему ухватить не удастся. Недостает жизненного материала. Значит, нужно искать.

Поэзия в автобиографических заметках «В минуты воспоминаний» Иван Кондратьевич отметит, что такого героя — рабочего он нашел в Николаеве, в котельном

месте работы телеграфирует писателю в Харьков: «Начинаем реконструкцию Одесской госдрамы. Надемся на «Диктатуру». А через некоторое время еще одна телеграмма за подписью директора и художественного руководителя театра: «Предлагаем «Диктатуру» начать сезон... Постановка программная, пьеса нужна 15 августа. Ждем согласия телеграфом. Шраменко, Терещенко».

Иван Кондратьевич решает, не откладывая, еще раз побывать на николаевском заводе. А потом, уже в поездке, следующим в Одессу, под перестук колес начинает работу над пьесой. В город он приезжает с готовой картиной под заглавием «На колокольне», которую тут же читает друзьям.

Как вспоминал позже Иван Кондратьевич, «Диктатуру» написал он очень быстро, за какой-то месяц, и весь период работы над пьесой «проходил в едином неразрывном настроении ка-

теру Шумскому не давалась роль Григория Дударя. Он жаловался, что хотя и видит линию поведения героя, осознает его мечту, но образ вроде бы расплывается, выскользывает, актер не видит, за что можно зацепиться. Микитенко, узнав об этом, решил деликатно и ненавязчиво помочь артисту.

— А знаете, — завел он однажды как бы между прочим разговор с Шумским, — я будто оглох от того илепанья и шума в котельном цехе. Там рабочих так и называют — «глухари».

— Вот! — радостно воскликнул Шумский. — «Глухари» — это же то, что надо!

Маленькая, но удачная деталь послужила артисту своеобразным ключом к раскрытию образа.

Премьера состоялась вечером 25 сентября 1929 года. Театр был переполнен. Роль Дударя исполнил Шумский, Чирвы — Остаевский, Степы Кныша — Твердохлеб, Малоштаня — Красноярский. Все любимые актеры Ивана Микитенко.

Огромный успех имел этот, по сути, первый в республике спектакль о рабочем классе, о его ведущей роли и взаимоотношениях с крестьянством. Успех не только художественный, но и политический, поскольку пьеса затрагивала острые и злободневные проблемы на фоне обострения классовой борьбы в деревне. Ближе к сердцу приняла постановку николаевские рабочие — они узнавали себя в созданных авторами образах.

«Диктатура» после Одесской госдрамы ставили многие театры страны. И зрители всегда восторженно встречали этот спектакль. В одном из писем к другу Иван Кондратьевич с удовлетворением ссылается на слова Леонида Первомайского о том, что тот насчитал сто двенадцать репертуарных залов по ходу пьесы.

Пока «Диктатура» продолжала триумфальное шествие по театрам, окрыленный успехом писатель не стал почитать на лаврах, а энергично взялся за новую актуальную тему — тему подготовки кадров для Советской страны. Драма так и называлась «Надры», в более поздней редакции — «Светите нам, звезды».

В Баштанке весной 1930 года работа над пьесой в основном была закончена. Дату окончания работы Иван Кондратьевич точно указывает в письме к М. Терещенко от 4 марта: «Я могу сообщить тебе, что «Светите звезды» я уже закончил — позавчера. Был как раз в Николаеве. Там же вынес произведение на суд общественности».

«Суд общественности» — это человек шестьсот студентов, работников народного образования, набившихся в Дом просвещения для пролетарского студенчества на встречу с известным писателем. Им-то и прочитал Иван Кондратьевич свою новую драму. Она вызвала общее одобрение, выступающие сделали меткие замечания.

Затем Иван Кондратьевич прочитал пьесу коллективу одесского драмтеатра, который готовился к своему пятилетнему юбилею и планировал этой постановкой начать торжества. Новая работа драматурга была воспринята артистами с воодушевлением.

Как видим, жизнь и творчество Ивана Кондратьевича Микитенко тесно связаны с югом Украины. На Кировоградчине он родился и длительное время работал, в Херсоне учился в военно-фельдшерском училище, в Одессе, занимаясь в медицинском институте, начал серьезную литературную деятельность: посещал кружок «Потоки Октября», возглавлял отделение организации украинских пролетарских писателей «Гарт», много писал для газет. И — Николаев: судостроительный завод, котельный цех, баштанские села, коллективизация... На юге Украины он познавал жизнь, здесь встретил героев своих произведений, здесь познал вдохновение и осуществил замыслы.

В. ПАСЕЧНИК.

писатель и время

ПОЗНАЙ СВОЕГО ГЕРОЯ

молниеносно облетает все уголки.

С докладом выступил Иван Микитенко: остановился на текущем моменте, сосредоточил внимание на насущных задачах. Затем говорили рабочие, рассказывали о своем заводе, подчеркивали важность смычки города с деревней. Вначале крестьяне помалкивали, прислушивались да присматривались, посасывая цыгарин. Табачный дым висел пеленой, размывал лица. Постепенно аудиторня оживлялась, начала складываться атмосфера взаимного доверия. Но когда дело дошло до обсуждения желаний высказаться среди слушателей не нашлось.

— Кто возьмет слово, товарищи крестьяне? — пытался расшевелить присутствующих председательствующий на сходке Иван Микитенко. — Почему же молчите? Выкладывайте, что вас волнует. Может у кого вопросы имеются?..

Из гущи несмело поднялась рука:

— Можно мне?..

— Пожалуйста, товарищ, говорите...

Поднялся незаможник в серой свитке и обратился к Микитенко:

— Вот вы и другие тут говорили правильно... Оно, конечно... я согласен... Но вот скажите, почему так, что власть рабочих и крестьян, а диктатура — пролетарьята? Вот здесь и законька...

По тесной комнате пробежал шумок: кто-то иркнул, кто-то хихикнул, кто-то зашептался с соседом. Вот, мол, загнул, так загнул, как товарищи рабочие выкрутятся? А кто-то не преминул подлить масла в огонь:

— А также почему подметни стоят два пуда хлеба?..

Картина прояснилась. Как дважды два — провокационный вопрос с чужого голоса задавал незаможник. Чей это голос, тоже ясно — кулацкий. И, к сожалению, вопрос этот достиг цели — с таким трудом созданная атмосфера доверия нарушилась. Пришлось долго и упорно разъяснять сущность диктатуры пролетариата, на простых, понятных примерах доказывать ее необходимость, осторожно вскрывать провокационность вопроса, обнажая его суть.

Этот эпизод запомнился Ивану Микитенко. Вопрос, по подсказке кулака заданный незаможником на крестьянской сходке в 1925 году, долгое время звучал в ушах, не давал покоя писателю. Постепенно вынашивалась идея развернуть этот вопрос в художественной форме, но прошло несколько лет, прежде чем окончательно созрел замысел повести «Диктатура».

Шел 1929 год. Обострилась классовая борьба в деревне. На этом фоне еще острее встал вопрос укрепления Советской власти, диктатуры пролетариата, союза рабочих и крестьян. Особенно ярко расхождение классовых интересов кулаков и незаможников проявлялось во время хлебозаготовок. Именно хлеб в условиях голодной страны стал тем оселком, на котором оттачивалась классовая сознательность беднейшего кре-

дехе судостроительного завода. И это понятно: рабочий класс корабельного города славился традициями классовой борьбы и не раз проявлял свою революционную сознательность.

А первое знакомство писателя с Николаевом состоялось весной 1929 года. 2 марта Иван Микитенко, Владимир Сосюра и Павло Усенко прибыли в город, чтобы принять участие в пленуме окружного профсоюзного совета и культурных мероприятий. Литераторы посетили многие цеха судостроительных заводов, выступали перед рабочими, читали стихи на вечерах и встречах.

Судостроительный завод — огромное предприятие: множество цехов, различных механизмов, нагромождение металла, тысячи рабочих. В то время завод набирал силы, укреплял флот Советской республики.

Со многими рабочими у Ивана Кондратьевича сложились теплые и дружественные отношения, но особенно он сблизился со старым котельщиком Фирсовым, чеканщиком Степенко, одной из первых женщин-электросварщиц Нилой Зубаченко. Именно чеканщик Степенко стал прототипом Григория Дударя, а Нила Зубаченко — рабочей-электросварщицы Зубаченко. Иван Микитенко навсегда полюбил этих простых и искренних людей. Он постоянно переписывался со своими новыми друзьями. Весной 1929 года делегация николаевских рабочих (среди них была и Нила Зубаченко), приехав в Харьков на Первомайские праздники, побывала в гостях у Ивана Кондратьевича. Он очень обрадовался встрече и рассказал, что повесть «Диктатура» уже закончена.

Но все-таки первой увидела свет не повесть, а драма «Диктатура» (повесть была опубликована посмертно в шеститомном издании произведений писателя)...

Однажды на Киевской кинофабрике Иван Кондратьевич встретил старого одесского знакомого — режиссера Марка Степановича Терещенко и пересказал ему сюжет своей новой повести. Терещенко очень понравилась тема, а сюжет показался киноценным.

— Немедленно пишите сценарий, получится прекрасный фильм, — посоветовал он Микитенко и, кажется, убедил писателя.

Вскоре Терещенко был назначен художественным руководителем Одесской госдрамы. Он не забыл разговора с Микитенко и с ново-

кого-то необычайного вдохновения». Он писал в Николаеве, в поезде, на пароходе, использовал для этого малейшую возможность. Последние картины заканчивал в Одессе.

17 августа 1929 года в помещении Одесской госдрамы по улице Карла Либкнехта, 46 состоялась первая читка «Диктатуры». Присутствовало много народу: кроме членов художественного совета и антеров театра были приглашены рабочие с предприятий, комсомольцы, рабфору, студенты. Пьеса, которую читал сам автор, имела большой успех. Однако драматург на этом не успокоился. Высокая требовательность к себе, постоянная неудовлетворенность написанным привели его снова в Николаев. Иван Кондратьевич решил еще побыть с прототипами своих героев, поработать рядом с ними, чтобы приобрести больше опыта, глубже вникнуться в создаваемые образы. Писатель стремился отшлифовать пьесу даже в мелочах и вносил необходимые уточнения уже в ходе репетиций.

О своих творческих планах писатель как близким сообщал друзьям-рабочим, советовался с ними, без стеснения просил помощи. В сентябре 1929 года он откровенно писал Н. Зубаченко: «Я мало знаю ваш котельный цех, а так просто перепрыгивать через это я не хочу. Следовательно, я собираюсь где-то в двадцатых числах текущего месяца приехать в Николаев, достать на бирже труда наряд и поработать хотя бы неделю, но так, чтобы рабочие не знали, кто работаю. Значит, вы ничего в цехе не говорите... А после, когда мне нужно будет уезжать, мы устроим вечеринку, как тогда делали. Я прочту отрывки из пьесы, обсудим, рабочие сделают свои замечания, которые я смогу учесть».

Иван Микитенко целый месяц работал в котельном цеху чеканщиком. Как известно, пьесе «Диктатура» драматург посвятил николаевскому судостроительному заводу, а начинается она картиной «Судостроители», действие которой происходит именно в этом цеху.

Тонкость и объемность картины закономерна: все описываемое писателем не только видел собственными глазами, но и делал собственными руками. Научился орудовать пневматическим молотком, чеканить, довольно ловко уплотнял заклепки, которых было больше тысячи в каждом котле. Пробывал освоить электросварку, но не получилось. С непривычки было трудно: не хватало свежего воздуха, действовал на нервы грохот, от которого мало помогали ватные тампоны в ушах...

Но зато как хорошо знал писатель завод и своих героев! Как только он приезжал из Николаева в театр на репетиции, его сразу же окружали актеры и загоряченно слушали рассказы писателя о заводе и его людях. Марк Степанович Терещенко вспоминал, что сначала ак-